

Министерства внутренних дел , 1899–1905 . Т. 23: Могилевская губерния. 1903.

5. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). Ф. 476. Оп. 1. Д. 28.

6. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 11.

7. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 145.

8. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 30.

9. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 242.

10. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 245.

11. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 278.

12. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 333.

13. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 380.

14. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 430.

15. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 673.

16. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 694.

17. ГАВО. Ф. 10061-п. Оп. 1. Д. 1095.

УДК 94(47).084.6

НАСЛЕДИЕ РИЖСКОГО ДОГОВОРА 1921 г. И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМА ФРАНКО-ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

А.А. Вершинин

*Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1,
119991, г. Москва, Россия, averchinine@gmail.com*

В статье рассматриваются стратегические последствия территориального переустройства по итогам Рижского мира 1921 г. для конструкции европейской безопасности в межвоенные годы. Автор утверждает, что конфигурация границ, возникших по итогам советско-польской войны, сама по себе не делала неизбежным новый конфликт в Центральной и Восточной Европе. В 1920-е гг. французская дипломатия предложила проект, который позволял серьезно снизить его риски. Однако обострение международных отношений в 1930-е гг. создало ситуацию, при которой безопасность в этой части континента оказалась в прямой зависимости от эффективного взаимодействия между Францией, СССР и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

Польшей. Неудачные попытки трех столиц выработать действенный формат сотрудничества стали одним из факторов роста военной угрозы.

Ключевые слова: *Рижский мир; Версальский мир; Вторая мировая война; межвоенный период.*

СПАДЧЫНА РЫЖСКАГА ДАГАВОРА 1921 г. І ЕЎРАПЕЙСКАЯ БЯСПЕКА Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД: ПРАБЛЕМА ФРАНКА-ПОЛЬСКА-САВЕЦКАГА ЎЗАЕМАДЗЕЯННЯ

А.А. Вяршынін

Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М.В. Ламаносава, Ленінскія горы, 1, 11991, г. Масква, Расія, averchinine@gmail.com

У артыкуле разглядаюцца стратэгічныя наступствы тэрытарыяльнага пераўладкавання па выніках Рыжскага міру 1921 г. для канструкцыі еўрапейскай бяспекі ў міжваенныя гады. Аўтар сцвярджае, што канфігурацыя меж, якія ўзніклі па выніках савецка-польскай вайны, сама па сабе не рабіла непазбежным новы канфлікт у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе. У 1920-я гг. французская дыпламатыя прапанавала праект, які дазваляў сур'ёзна зменшыць яго рызыкі. Аднак абвастрэнне міжнародных адносін у 1930-я гг. стварыла сітуацыю, пры якой бяспека ў гэтай частцы кантынента аказалася ў прамой залежнасці ад эфектыўнага ўзаемадзеяння паміж Францыяй, СССР і Польшчай. Няўдалыя спробы трох сталіц выпрацаваць дзейсны фармат супрацоўніцтва сталі адным з фактараў росту ваеннай пагрозы.

Ключавыя словы: *Рыжскі мір; Версальскі мір; Другая сусветная вайна; міжваенны перыяд.*

THE HERITAGE OF THE RIGA TREATY OF 1921 AND EUROPEAN SECURITY IN THE INTERWAR PERIOD: THE PROBLEM OF FRANCO-POLISH-SOVIET INTERACTION

A. Vershinin

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991, Moscow, Russia, averchinine@gmail.com

The article examines the strategic consequences of the territorial reorganization after the Riga Peace of 1921 for the construction of European security in the interwar years. The author argues that the configuration of the borders that arose as a result of the Soviet-Polish war did not in itself make a new conflict in Central and Eastern Europe inevitable. In the 1920s French diplomacy

proposed a project that could have seriously reduced its risks. However, the aggravation of international relations in the 1930s created a situation in which security in this part of the continent was directly dependent on effective interaction between France, the USSR and Poland. The unsuccessful attempts of the three capitals to develop an effective format of cooperation have become one of the factors in the growth of the military threat.

Keywords: *Peace of Riga; Peace of Versailles; The Second World War; interwar period.*

Являлась ли конфигурация восточноевропейских границ, возникшая по итогам Версальского и Рижского мирных договоров 1919 и 1921 гг., причиной скатывания Европы во Вторую мировую войну? Историки стоят перед серьезным соблазном дать на этот вопрос положительный ответ. С одной стороны имеется глубокая традиция увязывать агрессивную политику Германии в 1930-е гг. с теми несправедливыми условиями, которые были навязаны ей в Версале. В то же время и Советский Союз в 1939 г., выполняя обязательства по секретным протоколам к пакту о ненападении с Германией, мотивировал свои действия восстановлением исторической справедливости, нарушенной в Риге в 1921 г. Подобный подход, впрочем, отличается определенным предзаданным детерминизмом. Помимо того общего соображения, что в истории, тем более, в бурных событиях первой половины XX в., нет ничего однозначно предопределенного, следует учитывать и объективные процессы первого десятилетия после окончания мировой войны, когда Берлин и Москва рассматривали свои новые рубежи как объективную и, возможно, долгосрочную реальность.

Образование независимого польского государства в его окончательных границах стало событием, в корне изменившим стратегическую картину на европейском континенте. На западе Советская Россия вернулась на те границы, которые Российская империя занимала к моменту третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г., что в реалиях начала XX в. означало ее фактическое исключение из международных отношений в качестве великой державы. Она утратила границу с Германией и, следовательно, – возможность непосредственно проецировать силу в Центральной Европе.

Политика санитарного кордона, провозглашенная главой правительства Франции Ж. Клемансо в конце 1918 г., в целом потерпев неудачу, в этом важном отношении увенчалась успехом [13, р. 38]. Почти одновременно с Рижским мирным договором в феврале 1921 г. был заключен франко-польский союз, а в 1923 г. Франция, Великобритания и США де-юре признали восточную границу Польши. В рамках французской политики безопасности Варшаве отводилась важная роль ключевого восточного союзника, который одновременно угрожал тылам Германии и держал на удалении Советскую Россию. В Париже, впрочем, учитывали тот факт, что подобное положение дел само по себе воспроизводило военную опасность, а в отношениях с Варшавой старались сохранять определенную дистанцию, хорошо понимая все риски тесного сотрудничества с молодым государством, имевшим потенциальные конфликты со всеми своими соседями [18, р. 215]. Поэтому к 1925 г. французская дипломатия сформулировала новое видение своей восточноевропейской политики, реализация которой началась после подписания Локарнских соглашений.

Курс министра иностранных дел Франции А. Бриана заключался в том, чтобы на основе франко-германского примирения сформировать в Центральной и Восточной Европе пространство безопасности и в его рамках запустить проект комплексного политического и социально-экономического развития. По словам французского историка Ж.-А. Суту, в итоге предполагалось «постепенно включать Россию в европейский концерт, сочетая политическое давление с предложениями экономического сотрудничества, противодействуя попыткам Москвы расколоть лагерь западноевропейских стран» [16, р. 89]. В этом проекте могла участвовать Германия, которая в Локарно вернула себе статус великой державы. Что касается Польши, то перед ней открывалась возможность окончательного урегулирования отношений с восточным соседом на основе закрепления условий Рижского договора 1921 г. Под вопросом, впрочем, оставалась судьба германо-польской границы, однако Бриан считал, что в перспективе сближение между участниками Локарнской системы позволит тем или иным путем решить эту проблему [7, с. 516–519].

Французский проект, безусловно, вызывал определенные сомнения у его потенциальных участников. Польша настороженно отнеслась к Локарнским соглашениям. Тот союз, который она имела с Францией,

пришлось фактически заменить двусторонним арбитражным договором, который отдавал ключи от польской безопасности в руки Лиги Наций. В Москве понимали, что Локарнская система ставит под угрозу советско-германское сотрудничество, начало которому положил Рапалльский договор 1922 г. Взаимодействие с Берлином являлось краеугольным камнем всей советской политики на европейском направлении, которая, несмотря на «полосу признаний» 1924 г., сталкивалась с труднопреодолимыми препятствиями. Военная тревога 1927 г. продемонстрировала всю непрочность международных позиций СССР: в ходе резкого обострения англо-советских и ухудшения франко-советских отношений Москва оказалась в фактической изоляции при пассивно-нейтральном отношении Германии. Перед советским руководством стояла необходимость коренного пересмотра всего внешнеполитического курса с перспективой выбора вектора в сторону большей открытости западному миру [5, с. 47–48].

По мнению ряда историков, сохранение тех тенденций, начало которым положили Локарнские соглашения, позволяло в долгосрочной перспективе стабилизировать Версальскую систему, а, следовательно, и в целом конфигурацию границ, сложившихся в Европе к началу 1920-х гг. [10]. Оно создавало фундамент для создания на континенте эффективной системы коллективной безопасности, в рамках которой державы отказывались от силовой политики в пользу механизмов, основанных на международном праве, наднациональных институтах и всеохватывающих пактах о взаимопомощи [17, р. 179–181]. Многие современники считали, что Локарнские договоренности вместе с Вашингтонскими соглашениями 1922 г. открыли эпоху новой международной стабильности. «Эти два великих договора, – писал У. Черчилль, – представляют собою как бы два великолепных здания мира, прочно и непоколебимо возвышающиеся на обоих берегах Атлантики, свидетельствующие о дружественных отношениях великих наций мира» [11, с. 314–315]. Однако мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., положил конец этим расчетам.

Бриановская модель перестала работать после того, как Германия де-факто вышла из Локарнской системы в 1931–1933 гг. Политика коллективной безопасности критически зависела от позиции Берлина, которая еще до прихода к власти А. Гитлера становилась все более агрессивной. В этой ситуации начал формироваться европейский

треугольник безопасности Париж-Варшава-Москва, от устойчивости которого зависела возможность сдерживания германского реваншизма. Помимо существующего франко-польского союза, дополненного арбитражным договором 1925 г., был заключен советско-польский пакт о ненападении (1932 г.) и аналогичное ему советско-французское соглашение (1932 г.). Париж, выступавший инициатором данной коррекции системы коллективной безопасности, делал ставку на советско-польское примирение. Эта инициатива нашла отклик в СССР, который до 1934 г. проводил последовательную политику нормализации отношений с Варшавой [6, с. 104]. От успеха этого проекта зависела возможность предотвращения новой мировой войны, так как лишь означенные три страны могли обеспечить консолидированный военно-политический нажим на Германию. Почему треугольник оказался невозможным, как выразился французский историк Ф. Дессберг [12]? Как представляется, можно выделить три фактора провала этой инициативы.

Французская непоследовательность. Коррекцию системы коллективной безопасности Париж проводил в рамках специфического видения международных отношений. Сама по себе коллективная безопасность не является совместным проектом по сдерживанию потенциального агрессора. Она предполагала создание такой модели, в которой агрессия станет невозможной [14, р. 514]. Ставка делалась на политический или, как выразился М.М. Литвинов, психологический эффект – потенциальный возмутитель спокойствия сдерживался самим фактом наличия всеобъемлющей системы безопасности [3, с. 234–235]. Ее военное обеспечение при этом фактически не предусматривалось. Иными словами, планирование исходило из презумпции недопустимости войны и совершенно не подходило для ситуации, когда война становилась вероятной, а затем неизбежной. Эта система действовала в 1920-е гг., но была пущена под откос отказом Германии играть по общим правилам.

Фактически с октября 1933 г., момента выхода Берлина из Лиги Наций, европейским державам, и Франции в первую очередь, требовалось перейти к политике баланса сил и создания стратегического противовеса зарождающейся германской мощи. Однако Франция, находившаяся под влиянием травмы Первой мировой войны, оказалась к этому неспособна. Вся ее политика заключалась в

метаниях между приверженностью идее коллективной безопасности и необходимостью дополнять ее классическими военно-политическими альянсами для противодействия германской мощи. Советскому Союзу, в данном случае, предлагался невнятный формат сотрудничества, что нашло свое отражение в специфике пакта о взаимопомощи 1935 г., а Польше предлагалось отказаться от соблюдения собственного национального интереса ради обеспечения безопасности Франции. 1930-е гг. – это практически непрерывный период роста франко-польской отчужденности, несмотря на наличие союза 1921 г. Хорошую характеристику этого процесса в названии своей статьи дал Ж.-А. Суту – «Франко-польский союз или как от него избавиться» [15].

Польское заблуждение. Границы, установленный Рижским миром 1921 г., создали ситуацию, при которой Польша превращалась в основной фактор сдерживания германского реваншизма: лишь на ее территории мог быть создан восточный фронт, без которого победа над Германией была невозможна. Военно-экономический потенциал Второй Речи Посполитой не допускал возможности того, что она сама справится с этой задачей. Таким образом, хотела того Варшава или нет, складывалась ситуация, при которой Польша превращалась в коридор для потенциального проецирования советской военной мощи на запад. Без разрешения польского вопроса Франция не могла создать эффективный военно-политический альянс с СССР – территория Польши отделяла Советский Союз от Германии. Подобный сценарий предполагал два варианта действий – давление на Варшаву или разъяснение ей угрозы со стороны Берлина. Однако оба они упирались в то представление о своих возможностях, которое сложилось у польских элит.

В 1920–1921 гг. на фоне краха империй к западу и востоку от своих границ поляки усвоили специфический взгляд на свои собственные военно-политические возможности, считая, что они в состоянии собственными силами нанести поражение и Германии, и Советскому Союзу. На протяжении 1920-х гг. это представление в определенной степени соответствовало реальности, однако в 1930-е гг. оно ей уже противоречило [8, с. 216]. Встраиваться во французскую систему коллективной безопасности Польша не спешила, но эффективных возможностей проводить самостоятельную политику в отношении Берлина у нее не было. Политика равноудаленности,

которую реализовывал Пилсудский, а затем Ю. Бек, требовала обеспечения ресурсами, которые у Польши объективно отсутствовали [2, с. 188]. В результате, все польские попытки балансирования, в частности заключение пакта о ненападении с Германией в 1934 г., отказ от участия в Восточном пакте в 1935 г. или участие в разделе Чехословакии в 1938 г., не имели никакого смысла с точки зрения обеспечения польской безопасности.

Советская подозрительность. СССР, по точному замечанию российского историка М.М. Наринского, рассматривал французскую модель коллективной безопасности с сугубо утилитарной точки зрения – как инструмент обеспечения национальных интересов СССР [9, с. 70–71]. До 1934 г. она воспринималась как страховка от столкновения с польско-румынской коалицией и, одновременно, инструмент урегулирования отношений с Варшавой. На Францию здесь возлагалась роль, своего рода, адвоката СССР, призванного убеждать Польшу в необходимости проведения конструктивного курса в отношении Москвы. Однако после 1934 г. акцент изменился, и Польша в советских раскладах все чаще представляла в качестве авангарда германо-польской антисоветской коалиции. В 1935 г. советский план войны на западе был впервые составлен с учетом этой возможности [5, с. 377–387]. В ходе проходившихся одновременно переговоров с Францией о заключении пакта взаимопомощи советская сторона прямо указывала на то, что соглашение должно быть направлено не только против Берлина, но и против Варшавы [4, с. 248].

В действительности, речи о союзе между Германией и Польшей не шло и, вероятно, не могло идти, однако специфический взгляд Сталина и его окружения на политику Второй Речи Посполитой, во многом основывавшийся на памяти о советско-польской войне, в которой Сталин принимал личное участие, вел к серьезному искажению международных реалий. В итоге, в Москве сначала ждали, что французы убедят поляков в необходимости заключить соглашение о совместном сдерживании Германии, а затем, когда надежды на это были исчерпаны, рассчитывали на формирование советско-французского союза, который, помимо антигерманской, еще имел бы и дополнительную антипольскую ориентацию. Это оставляло мало шансов на формирование эффективного механизма ликвидации военной угрозы. Все три аспекта советско-французско-польской

отчужденности в ярком виде проявились в апреле-августе 1939 г. в ходе переговоров о заключении союза между Москвой, Парижем и Лондоном, когда позиция Варшавы оказалась главным препятствием к достижению договоренности [1, с. 499–517].

Таким образом, сама по себе память о болезненном периоде 1918–1921 гг. не делала неизбежным новый европейский конфликт. Новые границы проходили там, где их столетиями не было, разрезали по живому целые народы, однако великие державы закрывали на это глаза, как поступили французы в 1923 г., признав территориальные условия Рижского мира. Считалось, что последующее урегулирование снимет противоречия, а там, где это оказалось бы невозможным, удастся провести ограниченную и контролируемую ревизию. Однако если поступательное развитие периода 1920-х гг. позволяло строить соответствующие расчеты, то кризис 1930-х гг. ярко продемонстрировал все те риски, которые возникли после 1918 г. На Востоке Европы «рижские» границы создали ситуацию стратегического тупика, выйти из которого можно было лишь при условии тесного сотрудничества Франции, Польши и Советского Союза. Провал попыток диалога в рамках «невозможного треугольника» возымел трагические последствия.

Библиографические ссылки

1. Айрапетов, О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М.: Родина, 2020.
2. Борисёнок, Ю.А., Кузьмичева, А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. 2018. № 2.
3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. М.: Политиздат, 1973. Т. 18.
4. Кен, О.Н. Сталин, Литвинов и др. О книге С. Дулан «Влиятельные люди. Послы Сталина в Европе, 1930–1939 гг.» // Клио. 2003. № 1.
5. Кен, О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М.: ОГИ, 2008.
6. Кен, О.Н., Рупасов, А.И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 гг. СПб.: Европейский Дом, 2000.
7. Магадеев, И.Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021.
8. Матвеев, Г.Ф. Политическая система режима «санации» // Носкова А.Ф. (отв. ред.) Польша в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2012.

9. Наринский, М.М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М.: МГИМО, 2003.
10. Туз, А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Институт Гайдара, 2017.
11. Черчилль, У. Мировой кризис. М., Л.: Госвоениздат, 1932.
12. Dessberg, F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: Peter Lang, 2009.
13. Duroselle, J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris: Dalloz, 1974.
14. Jackson, P. Beyond the Balance of Power: France and the Politics of National Security in the Era of the First World War. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 2013.
15. Soutou, G.-H. L'Alliance franco-polonaise (1925–1933) ou comment s'en débarrasser? // Revue d'histoire diplomatique. 1981. № 95.
16. Soutou, G.-H. La France, l'URSS et l'ère de Locarno, 1924–1929 // M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian (dir.). L'URSS et l'Europe dans les années 20. Paris: PUPS, 2000.
17. Soutou, G.-H. Réflexions sur l'échec de la sécurité collective et ses raisons // Transversalités. 2011. Vol. 119. No. 3.
18. Wandycz, P.S. France and Her Eastern Allies, 1919–1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962.

УДК 94 «1918/20»

РУКОВОДИТЕЛИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ И ПОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО (1918–1920 гг.)

М.С. Довгялло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, Duahila@bsu.by*

В статье рассматриваются и анализируются взаимоотношения руководителей Белого движения в России А.В. Колчака, А.И. Деникина и П.Н. Врангеля с Польским государством во время гражданской и польско-советской войны, отдельные аспекты становления и развития их дипломатических и военных отношений. Автором изучена роль стран Антанты в налаживании взаимодействия между двумя сторонами.

Ключевые слова: Белое движение; А. Колчак; А. Деникин; П. Врангель; польско-советская война; Ю. Пилсудский; Красная армия; Польша; Антанта; Советская Россия; польско-советские отношения.